

РОССИЙСКИЙ СРЕДНИЙ КЛАСС В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Н.Е. ТИХОНОВА

Влияние кризиса на жизнь российского среднего класса*

В статье на основе данных ряда общероссийских опросов 2003–2015 гг. проведен анализ динамики численности российского среднего класса, в том числе в периоды кризисных явлений в российской экономике, а также форм влияния на него начавшегося в 2014 г. экономического кризиса. Показано, что хотя доход, жизненные шансы и социальная защищенность среднего класса страны в условиях нынешнего кризиса сократились, в целом негативное воздействие первого года кризиса на жизнь российского среднего класса было меньше, чем можно было бы ожидать. Представители этого класса и в условиях кризиса заметно отличаются по всем ключевым характеристикам их жизни от остальных россиян. В то же время, как показано в статье, кризис резко активизировал все сформировавшиеся еще в докризисные годы негативные тенденции изменения социально-экономического положения представителей российского среднего класса, и прежде всего тенденцию сближения их положения с положением остальных россиян, причем это касается не только уровня доходов, достижений или потребления среднего класса, но и падения его социальной защищенности на работе. Сделан вывод, что ухудшение положения среднего класса и нарастание уравнительности, под лозунгом борьбы с которой прошли для населения реформы начала 1990-х гг., будут способствовать размыванию основ общественного договора, сложившегося в тот период между властью и наиболее квалифицированной частью российского общества.

Ключевые слова: средний класс, социальная структура, социальная стратификация, влияние кризиса, доходы, потребление, социальная защищенность.

В российском обществе уже не первый месяц широко обсуждаются последствия кризиса для населения страны в целом и его отдельных групп в частности. Много в ходе этих дискуссий говорится и о росте числа бедных, и о сокращении (и даже исчезновении) российского среднего класса, и даже об обеднении российских олигархов. Особую остроту этим обсуждениям придает то, что нынешний год – год выборов в Государственную думу, да и до выборов президента России осталось не так уж много времени.

---

* Статья подготовлена в рамках проекта “Изучение демографического и социально-экономического поведения домохозяйств на разных стадиях жизненного цикла и оценка влияния социальной и налоговой политики на динамику уровня жизни и его дифференциацию”, входящего в Программу фундаментальных исследований НИУ ВШЭ 2016 г.

Тихонова Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, профессор-исследователь Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000. E-mail: ntihonova@hse.ru.

И действительно, как свидетельствуют все имеющиеся данные, кризис больно ударил по всем слоям населения страны. Серьезно пострадал от него и российский средний класс, хотя формы воздействия на него нынешнего кризиса далеко не столь очевидны, как, например, его влияние на малообеспеченное население, значительная часть которого в условиях кризиса скатилась в бедность. На каких же именно сторонах жизни российского среднего класса нынешний экономический кризис сказался в наибольшей степени¹? Ответу на этот вопрос и посвящена настоящая статья.

Однако прежде, чем отвечать на него, отмечу, что любой анализ, связанный со средним классом, серьезно осложняется тем, что среди специалистов нет единого мнения о том, что же этот класс собой представляет. Активные дискуссии о критериях отнесения к нему конкретных людей или домохозяйств, начавшись в отечественной социологии уже более 10 лет назад, не прекращаются и по сей день (см., например, [Авраамова 2008; Авраамова, Малева 2014; Белановский, Дмитриев, Мисихина 2010; Беляева 2007; Кивинен 2004; Тихонова, Мареева 2009; Россия... 2004; Средние классы... 2003] и др.).

Среди основных подходов, используемых сегодня в социологии для выделения среднего класса, можно выделить четыре. **Один** из них, связанный с представлением о среднем классе как о массовом социальном субъекте, который характеризуется прежде всего сравнительно высоким жизненным стандартом и уровнем потребления, в качестве критерия его выделения использует уровень душевого дохода и/или наличие определенного набора дорогостоящего имущества. Именно этот подход характерен обычно для маркетинговых исследований (что позволяет назвать его *маркетинговым*), однако встречается он подчас и в социологической литературе, особенно – у представителей экономической социологии. Ключевым предметом дискуссий при этом выступает вопрос, “сколько и чего” должен иметь человек, чтобы его можно было рассматривать как представителя среднего класса. Этот же подход характерен и для многих экономистов. Достаточно сказать, что Всемирный банк в своих аналитических материалах использует для выделения среднего класса в развивающихся странах, к которым относится и Россия, границу в 10 долларов в день на человека в пересчете по паритету покупательной способности (ППС) доллара США в неизменных ценах 2005 г. [Доклад ... 2014]. Вслед за ним этот же критерий используют и многие зарубежные исследователи (см., например, [Bidsall, Lustig, Meyer 2014]).

Второй подход обусловлен тем, что исследования среднего класса имеют не только маркетинговое, но и политическое значение. Основной акцент при определении критериев среднего класса в рамках этого подхода делается поэтому обычно не на доходно-потребительских, а на идентификационно-психологических характеристиках индивидов, поскольку именно они в наибольшей степени влияют на его социальное самоощущение и социально-политическое поведение. Соответственно, при этом подходе средний класс выделяется обычно на основе самоидентификаций людей, “самозачисления” ими себя в состав среднего класса, что позволяет назвать данный подход *субъективным*. И маркетинговый, и субъективный подходы имеют, однако, при всей их распространенности, весьма ограниченные эвристические возможности и не позволяют выделить гомогенные социальные группы, в том числе и тот средний класс (а не просто средние слои), который мог бы рассматриваться как элемент реальной социальной структуры общества.

Третий подход основывается, по сути, на специфике объема, типа и структуры ресурсов, которыми располагает тот или иной человек и на которые он получает доход. Именно специфика этих ресурсов и определяет, согласно нему, позиции представителей разных классов в социальной структуре общества (что позволяет назвать его *ресурсным*). Основная методологическая проблема изучения среднего класса в рамках этого подхода связана с тем, что при таком его понимании средний класс как бы “растворя-

---

¹ Влиянию кризиса на ценности и установки представителей среднего класса страны посвящена статья С. Мареевой в данном номере журнала.

ется”, исчезает как внутренне единый и целостный объект исследования, дробясь на ряд подклассов в зависимости от специфики активов его представителей. При этом сначала он делится на “старый” (представители малого бизнеса) и “новый” (владельцы качественного человеческого капитала) средний класс. Потом “новый” средний класс, в свою очередь, делится на профессионалов и полупрофессионалов, качество человеческого капитала у которых различно, или на “креативный класс” и прочих “белых воротничков”.

Наконец, **четвертый** подход связан с попыткой комплексного применения в условиях России критериев выделения среднего класса, традиционных для так называемой многомерной стратификации (определенные характеристики социально-профессионального статуса, образование, имущественно-доходные характеристики, иногда к ним добавляется и самоидентификация). Этот подход, который можно назвать *неовеберианским*, поскольку он отталкивается от специфики жизненных шансов и социального действия, будучи наиболее широко распространенным при исследованиях среднего класса как в мире в целом, так и в России. Однако у исследователей нет единства в вопросах о том, какая именно профессиональная деятельность или какой уровень образования, особенно в условиях современной России, могут служить критериями принадлежности к этому классу².

В данной статье средний класс выделяется в рамках последнего из этих четырех подходов и для отнесения к нему используются следующие критерии и их пороговые значения:

- *образование* (наличие, как минимум, среднего специального образования);
- *профессиональный статус*, отражающий нефизический характер труда;
- *уровень благосостояния* (показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного типа поселений или количество имеющихся товаров длительного пользования не ниже медианного значения по населению в целом);
- *самоидентификация* (интегральная самооценка индивидом своего статуса в обществе по десятибалльной шкале не ниже четырех баллов)³.

При этом если для работающего населения для попадания в средний класс надо было “пройти” в него по всем четырем шкалам, то для неработающего населения принадлежность к среднему классу определялась на основе трех из четырех перечисленных выше критериев – не учитывался профессиональный статус. Дополнительная проверка показала, что выделенные таким образом представители неработающего населения, оказавшиеся в среднем классе, были в массе своей связаны с характерными для него профессиональными структурными позициями – они либо занимали их ранее (пенсионеры с высшим образованием), либо займут их в будущем (студенты вузов).

Применение вышеописанной методики к данным исследования Института социологии РАН⁴ позволяет утверждать, что в октябре 2015 г. численность среднего класса в

² Подробнее о подходах к выделению среднего класса см. [Тихонова, Мареева 2009; Тихонова 2014].

³ По каждому из четырех критериев из рассмотрения при анализе исключались нижние слои населения (по данным на осень 2015 г. численность не проходивших в состав среднего класса составляла по разным критериям от 19% до 37% всех россиян). Однако при совмещении результатов анализа по разным шкалам число не проходивших в средний класс россиян резко возросло и достигало 56% по населению в целом и 53% по работающим.

⁴ Эмпирической базой анализа выступили прежде всего данные опроса Института социологии РАН “Российский средний класс в условиях кризиса и санкций” (октябрь 2015 г.). Общая численность опрошенных в рамках репрезентировавшей российское население по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту и типу поселения выборки составила 1600 человек в возрасте 18 лет и старше. Наряду с основной выборкой использовалась и выборка дополнительного опроса по средним слоям населения, которая насчитывала 300 человек. В рамках этой дополнительной выборки опрашивались россияне с высшим образованием, представлявшие разные регионы пропорционально численности их населения в составе населения страны в целом, среднедушевые доходы в семьях которых были не ниже, чем медианные доходы в регионе их проживания. Аналогично строилась и выборка опроса “Средний класс в современной России”, проведенного Институтом социологии РАН в феврале 2014 г., данные которого также широко используются в настоящей статье. Для характеристики ситуации со средним классом в начале 2000-х гг. в ней использованы данные опроса “Российский средний класс: динамика изменений”, проведенного Институтом социологии РАН в марте 2003 г. (N=2106) по той же, что и в двух других опросах, модели общероссийской репрезентативной выборки.

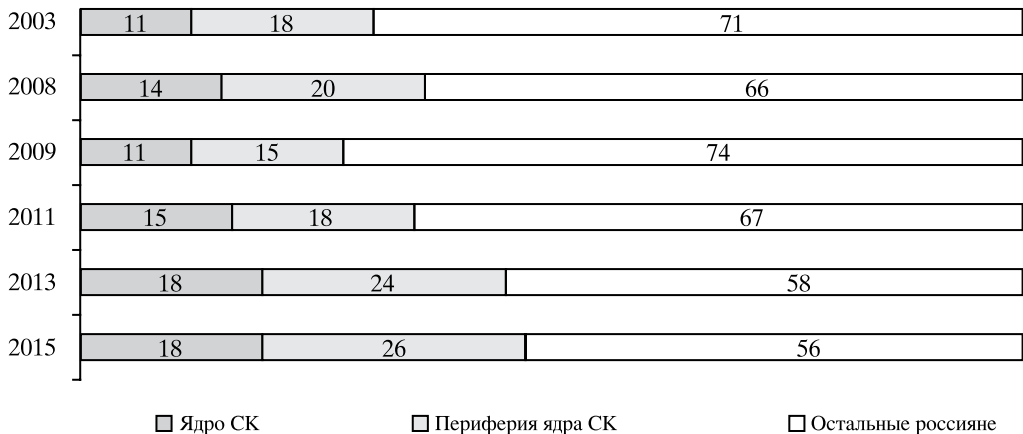

Рис. 1. Динамика численности различных групп населения России в 2003–2015 гг. (в %)⁵.

Рис. 2. Доля сумевших достичь в течение трех лет перед опросом тех или иных значимых улучшений своей жизни в различных группах населения, октябрь 2015 г. (в %)⁶.

нашей стране составляла 44% населения в целом. При этом, как и любая другая крупная социальная группа, **средний класс** не однороден. В нем можно выделить две его подгруппы. Это, во-первых, **ядро среднего класса**, относительное устойчивое со-

⁵ В рисунке для характеристики ситуации в 2008–2013 гг. использованы данные исследований Института социологии РАН “Малообеспеченные в современной России: кто они? Как живут? К чему стремятся?” (2008), “Российская повседневность в социологическом измерении” (2009), “Двадцать лет реформ глазами россиян” (2011), “Бедность и бедные в современной России” (2013). Во всех этих исследованиях, проводившихся по однотипной модели выборки, использовалась одна и та же методика выделения среднего класса. Данные за 2008 г. приводятся по состоянию на март соответствующего года. Стоит отметить также, что, хотя некоторым исследователям оценка численности среднего класса в России по состоянию на начало 2010-х гг. примерно в 30% населения кажется завышенной, для других она выглядит явно заниженной – так, например, Всемирный банк оценил численность среднего класса в России по состоянию на 2010 г. в 58,6% всего населения [Доклад... 2014].

⁶ Данные по улучшившим свою производственную ситуацию и повысившим квалификацию приводятся на рисунке в процентах от работающих представителей соответствующих групп.

циальное образование, наиболее ярко выражающее его качественные особенности; во-вторых, **периферия этого ядра**, в которой свойства, характерные для ядра, постепенно ослабевают, а люди, входящие в нее, характеризуются гораздо меньшей устойчивостью их положения в составе среднего класса.

Для выделения соответствующих подгрупп среднего класса нами были использованы две его ключевые характеристики – уровень образования и социально-профессиональный статус. К ядру среднего класса были отнесены имеющие высшее образование и навыки работы на компьютере руководители, предприниматели и специалисты. В периферии ядра среднего класса оказались другие представители среднего класса, в том числе: проходившие в него по всем перечисленным выше критериям самозанятые, рядовые служащие и работники торговли со средним специальным образованием; люди с нетипичным сочетанием профессиональной позиции и уровня образования (например, руководители со средним специальным образованием, рядовые служащие с высшим образованием) или квалификации (имеющие высшее образование руководители, предприниматели и специалисты, не имеющие навыков работы на компьютере), а также неработающие представители среднего класса⁷.

Наиболее устойчивая группа среднего класса – его ядро – составляла в октябре 2015 г., как и в предыдущие годы, менее половины его численности (40% среднего класса и 18% населения страны в целом) (см. рис. 1). И тут мы сталкиваемся с первым интересным фактом, говорящем о влиянии нынешнего экономического кризиса на российский средний класс. Как видно из рисунка 1, общая численность этого класса и его внутренняя структура за первый год кризиса практически не изменились. Значит ли это, что кризис не оказал на него никакого влияния? И что произошло с российским средним классом в ходе экономического кризиса 2014–2016 гг.?

В целом, отчасти предвывая последующий анализ, можно сказать, что *доход представителей среднего класса сократился в кризис сильнее, чем у остальных массовых слоев населения.* Тем не менее, хотя многие представители среднего класса в кризис вынуждены были начать экономить, *средний класс не перестал от этого быть средним классом, а представители его и сейчас заметно отличаются и в плане своих жизненных шансов (в том числе в области потребления или специфики занятости), и в плане своих “социальных действий” от остальных россиян.*

На чем основываются эти выводы? Отвечая на этот вопрос, начнем с анализа динамики **доходов** представителей российского среднего класса. В целом кризис усилил фиксировавшиеся в этой области и раньше тенденции. Как свидетельствуют данные, *доходы среднего класса в последнее десятилетие в наименьшей степени демонстрировали тенденцию к улучшению даже в благополучные времена. В кризисных же условиях именно доходы среднего класса пострадали сильнее всего в относительном выражении, а в его ядре наблюдалось даже падение среднедушевых доходов в абсолютном выражении* (см. табл. 1). В результате отрыв среднего класса от остальных россиян в этой области сохраняется только за счет той значительной дистанции, которая сформировалась между ними в 1990-х – начале 2000-х гг. Если же говорить о динамике в этой области за более длительный период, то разрыв в доходах среднего класса и остальных россиян заметно сократился. Так, хотя среднедушевые доходы массовых слоев населения страны в целом выросли с весны 2003 г. по осень 2015 г. в номинальном выражении в среднем примерно в 5 раз, в среднем классе они выросли заметно меньше (в 3,97 раза в его ядре и в 4,4 раза в периферии этого ядра при росте в 5,76 раз среди остальных россиян). Это говорит о том, что на фоне “подтягивания” российским государством в благополучные годы доходов бедных и малообеспеченных слоев населения, экономика страны не продемонстрировала пропорционального роста платежеспособного спроса на труд представителей среднего класса, а трансферты играют в их жизни гораздо меньшую роль, чем в жизни остальных россиян.

---

⁷ Подробнее об особенностях внутренней структуры среднего класса и методике их выделения см. [Тихонова, Мареева 2009].

**Среднемесячные доходы в расчете на одного члена семьи
в различных группах населения (2014/2015 гг., в руб.)**

Доход, руб.	Средний класс, в том числе:		Остальные россияне
	Ядро СК	Периферия ядра СК	
<i>Февраль 2014 г.</i>			
Ежемесячный среднедушевой	23 918	16 694	11 943
Ежемесячный медианный	20 000	15 000	10 000
<i>Октябрь 2015 г.</i>			
Ежемесячный среднедушевой	22 597	17 073	13 410
Ежемесячный медианный	20 000	15 000	11 500

Тенденция относительного сокращения в кризис доходов прежде всего представителей двух верхних квинтилей населения, в подавляющем своем большинстве попадающих именно в состав российского среднего класса, фиксируется и национальной статистической службой (ФСГС РФ): в январе–сентябре 2015 г., по ее данным, на нижние 60% населения приходился 31,3% общего объема денежных доходов населения против 30,2% в январе–сентябре 2014 г. Сильнее же всего изменились доходы у представителей верхних 20% – с 47,2% от общего объема денежных доходов населения в 2014 г. они снизились за год кризиса до 46,0% [ФСГС РФ 2015]. И хотя тенденция сокращения доходов представителей квалифицированной рабочей силы вообще и среднего класса в частности, а также общего опережающего относительного ухудшения их положения является, как отмечал Т. Пикетти [Piketty 2014], общемировой, для России, стремящейся перейти к дифференцированной и высокотехнологичной экономике, предполагающей наличие у работников серьезных стимулов для роста образовательного уровня и квалификации, ее последствия могут оказаться куда более опасными, чем для развитых стран.

Тем не менее, несмотря на опережающее падение в кризис реальных доходов (а в ядре среднего класса – даже их номинальное сокращение), *представители среднего класса, в отличие от остальных россиян, все еще характеризуются заметно большими жизненными шансами*, то есть гораздо большими **возможностями чего-то достичь**, что-то изменить к лучшему в своем бытии (см. рис. 2). Это значит, что значимые улучшения в жизни, связанные с социумом, а не личной сферой (свадьба, рождение ребенка и т.д.), встречаются в среднем классе, и особенно в его ядре, гораздо чаще, чем у остального населения страны.

В то же время под влиянием кризиса *и в области немонетарных неравенств фиксируются те же тенденции, что и в отношении доходов среднего класса, а именно, опережающее сокращение жизненных шансов как у среднего класса в целом, так и, особенно, у его ядра по сравнению с не входящими в его состав россиянами*. Так, если, как видно из сравнения данных февраля 2014 г. и октября 2015 г., среднее число значимых позитивных сдвигов у представителей среднего класса было накануне кризиса примерно втрое больше, чем у не входящих в его состав россиян (1,26 против 0,45), то по итогам года кризисных явлений в экономике страны это соотношение стало выглядеть уже лишь как 1,14 к 0,49. Если же говорить о конкретных цифрах по отдельным видам достижений, то за год кризиса число побывавших в течение последних трех лет за рубежом представителей ядра среднего класса сократилось с 34% до 23%, улучшивших свое материальное положение – с 40% до 22%, и т.д. При этом, впрочем, по каким-то отдельным показателям достижения представителей среднего класса, и особенно его ядра, в кризис даже выросли. Например,

выросла доля улучшивших свои жилищные условия⁸. Увеличилась и доля повысивших свою квалификацию или уровень образования – видимо, сказывается стремление обеспечить себе более прочное положение на работе в условиях усиления нестабильности занятости за счет улучшения качества человеческого капитала.

Вместе с тем *динамика достижений представителей среднего класса за период с начала 2000-х гг. выглядит куда более неутешительно*. Если сравнить сегодняшнюю ситуацию с ситуацией 2003 г., то тогда говорил о том, что ему не удалось добиться ничего из перечисленного на рисунке 2, лишь каждый пятый представитель среднего класса при 29% в 2014 г. и 40% осенью 2015 г. Таким образом, хотя большинство представителей среднего класса и в кризис характеризуются значимыми позитивными изменениями в их жизни, но доля тех, кто не могут добиться ничего существенного, выросла в этом классе за период с 2003 г. по 2015 г. вдвое. Для сравнения: среди остальных россиян этот показатель достигал и в 2015 г., и в 2014 г. 70%, притом что двенадцатью годами ранее он составлял лишь немногим меньше – 62%. Как видим, не входящих в состав среднего класса россиян характеризует негативная устойчивость их жизненных шансов, поскольку и в периоды экономического роста, и во времена кризисов они в массе своей не имели каких-либо позитивных сдвигов в жизни, связанных с социумом, а не межличностными отношениями. С одной стороны, все эти данные означают, что средний класс и остальные россияне в плане их жизненных шансов по-прежнему качественно различаются. Однако, с другой стороны, поскольку относительное ухудшение положения и в этой области характерно прежде всего именно для среднего класса (в нем число тех, кто не смогли добиться никаких значимых изменений в жизни, выросло с 2003 по 2015 г. в 1,86 раза при росте в 1,15 раз для остальных россиян), его представители говорят о том, что разрыв между ними и остальным населением страны и в плане их жизненных шансов в различных областях, а не только доходов, достаточно быстро сокращается.

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что, хотя представители российского среднего класса в массе своей пока еще в любой экономической ситуации характеризуются положительными сдвигами в их жизни, в то время как в жизни большинства остальных россиян эти улучшения отсутствуют, *динамика в этой области говорит о постепенном сокращении разрыва между ними за счет относительного ухудшения положения среднего класса. Особенно сильный импульс этот общий тренд, как и тенденция относительного сокращения доходов, получает в условиях развития кризисных явлений в экономике* – именно во время двух последних кризисов положение среднего класса ухудшалось сильнее, чем у остальных россиян. При этом ядро среднего класса страдало от сокращения доходов и “схлопывания” жизненных шансов в разных областях больше, чем представители его периферии. В этой связи стоит напомнить, что наиболее квалифицированная и образованная часть населения, входящая в состав среднего класса страны, дала в 1990-е гг. “вотум доверия” власти при осуждении и даже неприятии очень многих конкретных ее действий во многом благодаря своей поддержке декларирувавшегося властью лозунга преодоления неравенства, то есть не только *разной оплаты за разный труд, но и разных жизненных возможностей в зависимости от квалификации, сложности и интенсивности труда*. Это было важным элементом общественного договора, который тогда сформировался в обществе и который теперь буквально “на глазах” разрушается.

Особо подчеркну, что нарушение неявного общественного договора, сформированного в 1990-е гг., связано со сглаживанием неравенства не между “верхами” и “низами”, а между “низами” и “серединой” за счет незначительного роста благосостояния “низов” и постепенного ухудшения положения среднего класса. Таким

---

⁸ В этой связи стоит отметить, что российский средний класс очень озабочен проблемой улучшения своих жилищных условий и активно “работает в этом направлении” все последние годы, хотя показатели его жилищной обеспеченности и так заметно лучше, чем у остальных россиян.

Динамика достижений ядра среднего класса и периферии этого ядра за три года перед опросом (2003 и 2015 гг., в %)⁹

Чего удалось добиться	Средний класс, в том числе:			
	Ядро СК		Периферия ядра СК	
	2003 г.	2015 г.	2003 г.	2015 г.
Повысить уровень своего материального положения	58	22	33	17
Сделать дорогостоящие приобретения	37	23	9	12
Повысить уровень образования, квалификации	50	26	28	17
Получить повышение на работе или найти новую, более подходящую работу ¹⁰	40	21	25	17
Улучшить жилищные условия	23	25	23	17
Побывать в другой стране мира	15	23	8	13
Открыть собственное дело	13	2	4	4
<i>Ничего из вышеперечисленного добиться не удалось</i>	7	29	30	46

образом, вместо сглаживания действительно вопиющих неравенств между полярными социальными группами российского общества происходит возвращение к системе уравнительности для всех массовых слоев и групп. При этом изменить сложившуюся ситуацию на микроуровне представители среднего класса не могут, поскольку возможности восходящей социальной мобильности в условиях завершившейся структурной перестройки российской экономики для них крайне невелики и сильно (сильнее, чем у других россиян) сократились в сравнении с ситуацией начала 2000-х гг.). Особенно пострадало от закрытия “социальных лифтов” ядро среднего класса. И хотя как раз в области производственной мобильности в условиях кризиса наметилась чуть большая активность и даже некоторые позитивные сдвиги, но в целом и состоящие “социальных лифтов” в российском обществе вообще и у среднего класса в частности сейчас далеко от ситуации с ними в начале 2000-х гг. (см. табл. 2).

Отдельно стоит подчеркнуть, что специфика жизненных шансов представителей среднего класса в сравнении с другими социальными группами – следствие именно классовых различий, а не просто различий в уровне материального благосостояния или, тем более, текущих доходов. Так, лишь 40% представителей среднего класса с доходом от 1 до 1,5 медиан дохода в их типах поселений не добились в 2015 г. ничего из рассматриваемого нами “списка достижений”. В то же время у остальных россиян с уровнем доходов от 1 до 1,5 медиан отсутствие шансов на какие-либо значимые достижения в их жизни характеризовало уже значительное большинство – две трети группы (65%). Это один из весомых доводов в пользу того, что применительно к условиям России можно говорить о среднем классе и традиционно выделяемых на основании их доходов средних слоях как двух принципиально разных категориях населения.

Разительно отличаются у представителей среднего класса и остальных россиян и показатели по другим краеугольным вопросам, связанным с их жизненными шансами, в том числе в сфере **потребления**, хотя и в этой области разрыв между ними

⁹ Данные по улучшившим свою производственную ситуацию, повысившим квалификацию и открывшим собственное дело приводятся в процентах от работающих представителей среднего класса. Фоном и жирным шрифтом в таблице выделены позиции, относящиеся к механизмам работы “социальных лифтов”.

¹⁰ В феврале 2014 г. этот показатель составлял 14% в ядре среднего класса и 6% в его периферии, что говорит о заметных сдвигах в производственной жизни среднего класса и мобильности его представителей в условиях кризиса.

**Динамика некоторых особенностей жизненных шансов различных групп населения
в сфере потребления (2014/2015 гг., в %)¹¹**

Жизненные шансы в сфере потребления	Средний класс	Остальные россияне
<i>Февраль 2014 г.</i>		
Самооценка материального положения как хорошего*	41	12
Самооценка питания как хорошего*	66	32
Самооценка ситуации с одеждой как хорошей*	55	22
Самооценка жилищных условий как хороших*	53	28
Наличие недвижимости (земли, гаража, второго жилья, дачи, садового участка с домом или без), в том числе двух и более из этих объектов недвижимости	59	45
Наличие автомобиля, в том числе иномарки	22	10
	74	43
	54	18
<i>Октябрь 2015 г.</i>		
Самооценка материального положения как хорошего*	22	8
Самооценка питания как хорошего*	45	22
Самооценка ситуации с одеждой как хорошей*	36	15
Самооценка жилищных условий как хороших*	41	26
Наличие недвижимости (земли, гаража, второго жилья, дачи, садового участка с домом или без), в том числе двух и более из этих объектов недвижимости	59	46
Наличие автомобиля, в том числе иномарки	25	11
	75	53
	61	25

* Допускались также ответы “удовлетворительно” и “плохо”.

за время кризиса заметно сократился (см. табл. 3). Только за счет “эффекта базы” пока еще сохраняется заметный отрыв среднего класса от остальных россиян.

Рассмотрим теперь ту повседневную предметную среду, которая окружает представителей среднего класса, то есть имеющиеся в их домохозяйствах товары длительного пользования¹² (ТДП) (см. табл. 4). Именно набор ТДП, с одной стороны, отражает потребительские стандарты и предпочтения разных групп населения, а с другой – во многом определяет их образ жизни и жизненные шансы в сфере потребления.

Как видим, домашнее имущество и россиян в целом, и представителей российского среднего класса достаточно разнообразно. Из 16 видов ТДП, наличие которых проверялось в ходе опроса, в семьях россиян имеются, как правило, более половины, а в домохозяйствах среднего класса – более трех четвертей. Стандартный набор иму-

¹¹ В таблице серым фоном обозначено наличие соответствующего ТДП в товарном наборе более чем 50% представителей определенной группы.

¹² Жирным шрифтом и фоном в таблице выделены показатели, характеризующие более половины группы.

Наличие ТДП в различных группах населения (2015 г., в %)¹³
(отранжировано по ядру среднего класса)

Товары длительного пользования	Средний класс, в том числе:		Остальные россияне
	ядро среднего класса	периферия ядра среднего класса	
Холодильник	99	99	98
Телевизор	98	100	99
Пылесос	95	95	90
Стиральная машина-автомат	97	93	84
Компьютер, в том числе ноутбук	90	80	64
Микроволновая печь, кухонный комбайн, гриль, тостер и т.п.	94	87	74
Мобильный телефон	83	84	87
<i>Автомобиль¹⁴, в том числе:</i>	82	69	53
Автомобиль-иномарка	62	44	25
Отечественный автомобиль	31	37	34
Цифровой фотоаппарат или видеокамера	72	56	36
Айфон, смартфон	68	55	34
Планшет, айпад	65	50	30
Антенна спутникового телевидения	41	40	28
Кондиционер	27	21	12
Посудомоечная машина	25	18	8

щества, присутствующего в домохозяйстве типичного россиянина, включает сегодня цветной телевизор, холодильник, пылесос, мобильный телефон, стиральную машину, разнообразную мелкую кухонную технику, компьютер, а также автомобиль, который имели осенью 2015 г. 61% всех домохозяйств страны, причем часть семей имела даже по два автомобиля, и чаще всего “автомобилизованы” были именно домохозяйства среднего класса.

При этом потребительское поведение среднего класса на фоне остальных россиян несколько различается. Как видно из таблицы 4, главное отличие стандарта жизни среднего класса в отношении оснащенности домашним имуществом – огромный отрыв в обеспеченности цифровой видеотехникой, айпадами, планшетами, айфонами и т.п. техникой, отражающий качественную разницу в степени вовлеченности в информационные технологии. Эта тенденция сохраняется и при контроле возраста: даже среди 51–60-летних среди представителей среднего класса имеющих такого рода технику можно встретить в разы чаще, чем у не входящего в его состав лиц той же возрастной группы.

Потребительская активность среднего класса в кризис несколько сократилась, хотя и не исчезла вовсе, особенно в отношении тех видов ТДП, по которым он качественно отличается от остальных россиян. Так, 16% среднего класса в течение первого кризисного года купили айпады и планшеты, 17% – айфоны и смартфоны. Покупались, хотя и гораздо реже, и другие ТДП: 4% представителей среднего класса купили в первом кризисном году автомобили-иномарки, столько же – посудомоечные машины и т.д.

¹³ Другие аспекты имущественной обеспеченности россиян (жилье, земля и т.п.), как свидетельствуют данные, за период кризиса не изменились.

¹⁴ В части домохозяйств отечественные автомобили соседствуют с иномарками, поэтому число имеющих автомобили меньше суммы имеющих иномарки и отечественные автомобили.

Самооценки некоторых последствий кризиса лично для респондентов в различных группах населения (2015 г., в %)¹⁵

Последствия	Средний класс, в т.ч.:		Остальные россияне
	Ядро среднего класса	Периферия ядра среднего класса	
Проиграли в финансовом отношении из-за того, что цены выросли очень значительно	63	55	69
Доход сократился из-за трудностей, с которыми столкнулось предприятие, на котором они работают	21	20	34
Из-за девальвации обесценились сбережения или выросли выплаты по кредиту, взятому в валюте	15	11	12
<i>Справочно: вообще не проиграли от кризиса или даже выиграли от него</i>	18	20	9

При этом лишь 35% представителей среднего класса (при 55% у остальных россиян) не приобретали в течение первого года кризиса ни одного из перечисленных в таблице 4 видов товаров длительного пользования.

Подводя итоги анализа влияния кризиса на непроизводственную сторону жизни российского среднего класса, можно сказать, что *и в области доходов его представителей, и в плане их шансов на какие-то значимые улучшения в жизни, и в сфере текущего потребления нынешний экономический кризис способствовал сокращению разрыва между ними и остальными россиянами. Однако возлагать вину за это только на кризис было бы неверно: он лишь усилил тенденции, сформировавшиеся задолго до его начала.*

Кроме того, масштаб влияния начавшегося в 2014 г. экономического кризиса на российский средний класс в течение его первого года тоже оказался не столь велик, как можно было ожидать, – это влияние было хотя и весьма ощутимо, но не катастрофично. Во всяком случае, именно такую **оценку влиянию кризиса на свою жизнь** давали осенью 2015 г. сами представители российского среднего класса. Лишь 3% их оценивали ущерб, нанесенный им экономическим кризисом, как очень значительный, и еще немногим более 40% оценили последствия этого кризиса для себя как существенные, но не катастрофические. Большинство же вообще охарактеризовали последствия кризиса лично для себя как несущественные. Более того, примерно каждый пятый в среднем классе вообще не ощутил никакого ущерба от кризиса в течение первого года его протекания (у остальных россиян этот ответ встречался осенью 2015 г. вдвое реже).

Такая реакция среднего класса страны на кризис связана с тем, что основным его негативным последствием для россиян вообще и среднего класса в частности стал резкий рост цен (см. табл. 5). Однако, поскольку некоторый “запас прочности” у среднего класса до кризиса все же был, то и рост цен даже в условиях падения реальных и подчас даже номинальных доходов не означал для большинства его представителей необходимости резкой смены привычного образа жизни. Просто часть потребностей была переведена в отложенный спрос. Например, было отодвинуто время покупки недвижимости, замены автомобиля или приобретения каких-то новых товаров длительного пользования.

Таким образом, *хотя российский средний класс, безусловно, пострадал от кризиса, но это не значит, что для большинства его представителей их жизнь под влиянием*

¹⁵ В таблице приведены данные только по наиболее значимым последствиям кризиса (всего в ходе опроса замерялось 13 их видов).

Самооценки динамики своего материального положения за последний год перед опросом в различных группах населения (2014/2015 гг., в %)¹⁶

Положение	Средний класс, в том числе:		Остальные россияне
	Ядро среднего класса	Периферия ядра среднего класса	
<i>Февраль 2014 г.</i>			
Улучшилось	51	31	18
Осталось без изменений	43	60	62
Ухудшилось	6	9	21
<i>Октябрь 2015 г.</i>			
Улучшилось	11	11	7
Осталось без изменений	48	52	55
Ухудшилось	41	37	38

кризиса качественно изменилась. Применительно к представителям среднего класса можно говорить скорее о том, что субъективный позитивный тренд восприятия материальных условий своей жизни, господствовавший у них в предыдущие годы, сменился ощущением стагнации (см. табл. 6). Этого нельзя сказать об остальных россиянах. Видимо, хотя (в отличие от среднего класса) и в кризис у них продолжался номинальный рост доходов, но этот рост не смог компенсировать роста цен уже в силу того, что инфляция по продуктам питания была в разы выше, чем общий уровень инфляции по стране. А именно на питание не входящие в состав среднего класса россияне тратят обычно большую часть своих доходов. При этом “подушки безопасности” в виде сбережений они в массе своей, в отличие от среднего класса, и до кризиса не имели, а следовательно, экономить им пришлось, в отличие от представителей среднего класса, уже не на второстепенных потребностях или переводе текущего спроса на дорогостоящие товары и услуги в отложенный, а на текущем потреблении в части базовых, первичных потребностей. Это не могло не отразиться и на их оценках динамики своего положения.

Тем не менее, как видно из таблицы 6, общий для населения страны вектор ухудшения оценок своего материального положения был выражен в среднем классе и, особенно, его ядре гораздо ярче, чем у остальных россиян. Так, в ядре среднего класса доля оценивавших свое положение как улучшающееся сократилась в кризис почти в 5 раз, а число тех, у кого оно ухудшилось, напротив, в 7 раз выросло. В то же время у остального населения соответствующие показатели изменились в кризис лишь примерно в 2 раза. И хотя во всех группах россиян доминирующей оценкой динамики своего материального положения за год кризиса была позиция “осталось неизменным”, но 41% представителей ядра среднего класса при 38% в остальном населении, говоривших об ухудшении своего положения, – свидетельство начала осознания ядром среднего класса той новой реальности, в которой оказались его представители.

В этой связи важно отметить также, что представители российского среднего класса в докризисный период отличались от остальных россиян не только позитивной субъективной динамикой своего материального положения, но и ожиданиями развития этой

¹⁶ Жирным шрифтом и фоном в таблице выделены максимальные показатели в каждом столбце (в рамках соответствующего года).

**Динамика профессиональных статусов различных подгрупп среднего класса
(2003–2015 гг., в % от работающих)**

Профессиональные группы	Средний класс, в том числе:					
	Ядро среднего класса			Периферия ядра среднего класса		
	2003 г.	2014 г.	2015 г.	2003 г.	2014 г.	2015 г.
Руководители всех уровней, предприниматели и самозанятые	33	20	18	29	12	12
Специалисты, работа которых предполагает наличие высшего образования	67	80	82	24	5	5
Прочие работники нефизического труда (полупрофессионалы, клерки, рядовые работники в сфере торговли и бытового обслуживания)	0	0	0	47	83	83

тенденции на будущее. Кризис внес в эти ожидания серьезные коррективы. И хотя среди представителей среднего класса и осенью 2015 г. по-прежнему было больше оптимистов и меньше пессимистов, чем среди остальных россиян, но и в области ожидаемой динамики своего положения также проявилась тенденция, о которой уже не раз говорилось выше – чем благополучнее группа, тем сильнее сказался на ее восприятии собственной жизни нынешний кризис.

Рассмотрим теперь, как кризис повлиял на ситуацию с **занятостью** представителей российского среднего класса. Отмечу в этой связи, однако, прежде всего то, что профессиональный портрет российского среднего класса, в том числе и в условиях кризиса, отражает особенности исторического этапа развития России и модели экономики, сложившейся в ней за годы реформ. Поскольку этап развития, на котором находится сейчас российская экономика – позднеиндустриальный этап, который ведущие западные страны проходили в 60–80-х гг. XX в., то и современный российский средний класс похож с точки зрения его профессионального портрета в большей степени на средний класс развитых стран той эпохи, чем на их сегодняшний средний класс.

Для позднеиндустриальной эпохи же, как показывает исторический опыт, характерен не только быстрый рост так называемого “нового” среднего класса и превращение его в доминирующую в обществе социальную силу. Главная его отличительная особенность другая – в составе данного класса именно на этом этапе исторического развития относительно велика доля полупрофессионалов, клерков и других представителей среднеквалифицированных “белых воротничков”, и относительно ниже, чем это характерно для обществ с доминированием четвертичного сектора экономики, доля профессионалов. *Обе эти тенденции* (как общего роста среднего класса, так и доминирования в его составе группы среднеквалифицированных работников нефизического труда) *фиксируются при рассмотрении профессионального портрета среднего класса в последние годы и применительно к современной России*. Сохранились эти тенденции и в условиях кризиса (см. табл. 7).

Из таблицы 7 видно, что основная масса входивших в 2003 г. в состав периферии ядра среднего класса руководителей и профессионалов к настоящему времени перешла в ядро этого класса, где, собственно, по своему профессиональному статусу и должна находиться. В результате ядро среднего класса и его периферия стали в середине 2010-х гг. гораздо более гомогенными по своему профессиональному составу, чем в начале 2000-х гг., причем кризис никак не повлиял на эту ситуацию.

Однако процесс перехода в ядро среднего класса основной массы входивших в 2003 г. в состав периферии этого ядра и вообще не входивших ранее в состав среднего

**Степень социально-экономической защищенности на рабочем месте
у различных групп населения (2014/2015 гг., в % от работающих)**

Показатели	Средний класс, в том числе:			
	ядро среднего класса	периферия ядра среднего класса	ядро среднего класса	периферия ядра среднего класса
	<i>Февраль 2014 г.</i>		<i>Октябрь 2015 г.</i>	
Своевременная выплата зарплаты	97	93	95	90
Официально оформлены на работу	87	77	83	71
“Белая” зарплата	84	68	82	63
Оплата отпуска и больничного листа	84	69	79	59
Дополнительные социальные блага	25	17	10	4

класса руководителей и профессионалов, будучи достаточно массовым для самой этой группы, мало изменил картину по работающим россиянам в целом – он охватил не более 4% занятого населения. К настоящему моменту возможности дальнейшего роста среднего класса за счет этой категории рабочей силы, обладающей качественным человеческим капиталом, уже практически исчерпаны. Даже при преодолении кризисных явлений в экономике, устранении необоснованных диспропорций в оплате труда высококвалифицированных специалистов и совершенствовании социальной политики максимальный ресурс расширения среднего класса составляет не более 7–9% населения страны, а его максимально возможная численность при нынешней профессиональной и отраслевой структуре российской экономики – порядка половины населения России. Фундаментальное расширение среднего класса возможно только при диверсификации экономики страны и переходе к “экономике знаний”.

Еще одной особенностью, отличающей представителей среднего класса современной России от членов среднего класса в подавляющем большинстве развитых стран мира, выступает концентрация его в госсекторе. И в стабильной экономической ситуации, и в условиях кризиса большинство в нем составляют работники предприятий и учреждений государственной формы собственности. В ядре среднего класса соответствующий показатель составлял осенью 2015 г. 65%, а в начале 2014 г. доходил даже до 68%. На этой особенности российского среднего класса кризис сказался, как видим, незначительно, но симптоматично, что при первых же сложностях с бюджетом пострадали прежде всего именно квалифицированные работники госсектора. Однако еще симптоматичнее то, что с начала 2014 г. до октября 2015 г. в составе ядра среднего класса с 13% до 19% выросла доля работающих на приватизированных предприятиях. Видимо, оживление предприятий ВПК помогло этой части российского среднего класса относительно уверенно чувствовать себя даже в кризисных условиях.

Наконец, важной особенностью российского среднего класса в сравнении со средним классом развитых стран выступает слабая социальная защищенность у себя на работе его представителей. Как свидетельствуют эмпирические данные (см. табл. 8), позиции ядра среднего класса, хотя и кажутся даже в кризис достаточно благополучными на фоне других слоев населения, все же не слишком хороши и несопоставимы с ситуацией в западноевропейских странах, где трудовое законодательство для имеющих стабильную занятость соблюдается очень жестко. Отнюдь не все представители ядра среднего класса, а тем более периферии этого ядра, были в октябре 2015 г. официально оформлены на работу; 18% ядра среднего класса и 37% его периферии получали зарплату или часть ее “в конвертах”; 21% ядра среднего класса и 41% его периферии не

имели предусмотренной законодательством РФ оплаты отпуска и больничных листов и т.д. Таким образом, значительная часть представителей среднего класса находится вне действия российского трудового, пенсионного и социального законодательства, и начавшийся в 2014 г. экономический кризис серьезно усугубил эту тенденцию, особенно – для периферии ядра среднего класса.

В целом по состоянию на октябрь 2015 г. все перечисленные в таблице 8 права работников (без учета дополнительных социальных благ) *соблюдались лишь у 42% представителей среднего класса (в том числе у двух третей ядра среднего класса и у четверти его периферии) и всего у 25% остальных россиян.* Если же учесть и такой вид этих прав, как оплата сверхурочных, то число россиян из разных социальных групп, чьи трудовые права полностью соблюдаются, еще больше сократится – до 19% в среднем классе и 12% у остальных россиян. При этом *периферия ядра среднего класса и в этом случае оказывается гораздо более уязвимой, чем его ядро, что говорит о разнице места двух этих подгрупп среднего класса в системе производственных отношений при близости их уровня и структуры потребления.*

Что же касается влияния кризиса на другие аспекты занятости среднего класса, то тот факт, что его ядро включает наиболее квалифицированную часть российских работников, человеческий капитал которых обеспечивает им более сильные переговорные позиции с работодателями, независимо от того, кто выступает этим работодателем – государство или частный предприниматель, отражается и в большей устойчивости занятости его представителей в кризисных условиях. Так, в среднем классе в целом потеряли работу из-за кризиса в первый год его протекания лишь чуть больше 2% работавших его представителей, причем три четверти из них достаточно быстро смогли найти новую работу. Среди остальных же работающих россиян работу потеряли 7%, и свыше 40% этой группы так и не смогли к октябрю 2015 г. вновь трудоустроиться. Та же тенденция в разы большей уязвимости россиян, не входящих в состав среднего класса, в плане различных аспектов их занятости прослеживается и в таких сферах, как нахождение в неоплачиваемом отпуске, угрозы потери работы или задержек зарплаты более, чем на месяц.

Подводя итоги анализа, отмечу, что начавшийся в 2014 г. экономический кризис ощутимо отразился на российском среднем классе. Тем не менее в целом негативное воздействие первого года кризиса на жизнь российского среднего класса оказалось меньше, чем можно было бы ожидать: сохранилась неизменной его численность, лишь меньшинство в нем осенью 2015 г. считало, что их положение в кризис серьезно ухудшилось, основная масса представителей среднего класса могла по-прежнему позволить себе приобретение не являющихся предметами первой необходимости товаров длительного пользования, прежде всего разного рода цифровой техники и новых средств связи, и т.д.

Это позволяет говорить о том, что главными последствиями кризиса для российского среднего класса стали не исчезновение или сокращение этого класса, и даже не падение его реальных доходов, а резкая активизация всех сформировавшихся еще в докризисные годы негативных тенденций изменения социально-экономического положения его представителей. Эти тенденции заключаются прежде всего в сближении положения среднего класса за счет его относительного ухудшения с положением остальных россиян. При этом, если говорить о не входящем в средний класс населении России, то оно и раньше жило, и в условиях кризиса продолжает жить с позиций его жизненных шансов и уровня доходов в режиме выживания. Поэтому кризис, хотя и ухудшил положение данной части россиян, все же не изменил его качественно. В то же время средний класс страны последние 20 лет характеризовался весьма широким спектром различного рода возможностей и достижений, обеспечивающих ему принципиально иное качество жизни, чем у остальных россиян. Однако уже в предкризисные годы он начал постепенно утрачивать свои привилегированные позиции, а кризис еще больше усугубил данную тенденцию. Причем это касается не только уровня доходов, достижений или потребления среднего класса, но и падения его социальной защищенности на работе.

Ухудшение положения среднего класса и нарастание в массовых слоях российского общества уравнительности, под лозунгом борьбы с которой прошли для населения реформы начала 1990-х гг., способствуют размыванию основ общественного договора, сложившегося в тот период между властью и наиболее квалифицированной частью российского общества. С последствиями делегитимизации в сознании среднего класса этого договора нашей стране, видимо, придется столкнуться уже в ближайшие годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аврамова Е.М. (2008) Средний класс эпохи Путина // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 28–36.
- Аврамова Е.М., Малева Т.М. (2014) Эволюция российского среднего класса: миссии и методология // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 5–17.
- Белановский С.А., Дмитриев М.Э., Мисихина С.Г. (2010) Средний класс в рентаориентированной экономике: почему Москва перестала быть Россией? // *SPERO*. № 13, осень–зима. С. 69–86.
- Беляева Л.А. (2007) И вновь о среднем классе России // *Социологические исследования*. № 5. С. 3–13.
- Доклад об экономике России (2014) Всемирный банк. Представительство в России. Март, № 31.
- Кивинен М. (2004) Средний класс в современной России // *Мир России*. № 4. С. 143–170.
- Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс (2004) / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука.
- Средние классы в России: Экономические и социальные стратегии (2003) / Под ред. Т.М. Малевой. М.: Гендальф.
- Тихонова Н.Е. (2014) Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф–ИС АН.
- Тихонова Н.Е., Мареева С.В. (2009) Средний класс: теории и реальность. М.: ИС РАН.
- ФСГС РФ (2015) Доклад “Социально-экономическое положение России-2015. Январь–сентябрь”. Раздел 1.2. Социально-экономическая дифференциация населения. Табл. 1. Распределение общего объема денежных доходов населения (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086922125).
- Birdsall N., Lustig N., Meyer Ch. J. (2014) *The Strugglers: the New Poor in Latin America?* // *World Development*. Vol. 60. Pp. 132–146.
- Piketty T. (2014) *Capital in the Twenty-first Century*. London: Belknap Press / Harvard Univ. Press.

The Impact of Crisis on the Life of Russian Middle Class

TIKHONOVA N.*

* *Tikhonova Natalia* – doctor of sciences (Sociology), professor-researcher, the National Research University “Higher School of Economics”, chief researcher, Institute of Sociology, RAS. Address: 20, Myasnikskaya st., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: ntikhonova@hse.ru.

Abstract

Based on the materials of nationwide representative studies carried out in 2003–2015, analysis of the dynamics of the Russian middle class (including crisis periods in Russian economy), as well as the forms of influence of economic crisis of 2014 on it, is presented in the article. It is shown that although income, life chances and social security of Russian middle class have decreased during the current crisis, the overall negative impact of the first year of crisis on the lives of the Russian middle

class representatives was less than would be expected. Members of this class even in times of crisis significantly differ by all the key characteristics of their life from the rest of Russians. However, as it is shown in the article, the crisis dramatically intensified all negative trends in the socio-economic situation of the Russian middle class representatives that have started in pre-crisis years, and above all – the trend of convergence of their position with the position of other Russians. This applies not only to the income levels, life achievements or consumption of the middle class, but also to the decrease in social protection of its members at work. It is concluded that the deterioration of the middle class position and the growth of equalization (while the slogan of fighting it was dominant during the reforms of the early 1990s), will contribute to the erosion of the social contract that emerged in that period between the government and the most skilled part of the Russian society.

Keywords: middle class, social structure, social stratification, impact of crisis, income, consumption, social security.

REFERENCES

- Avraamova E. (2008) Srednij klass eh-pohi Putina [Middle class in Putin's era]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 28–36.
- Avraamova E., Maleva T. (2014) Eh-volyuciya rossijskogo srednego klassa: missii i metodologiya [Evolution of the Russian middle class: missions and methodology]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 5–17.
- Belanovskij S.A., Dmitriev M.E., Misi-hina S.G. (2010) Srednij klass v rentoorientirovannoj ekonomike: pochemu Moskva perestala byt Rossiej? [Middle class in rent-oriented economy: why Moscow ceased to be Russia?]. *SPERO*, no. 13, pp. 69–86.
- Belyaeva L.A. (2007) I vnov o srednem klasse Rossii [Once again about middle class in Russia]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 3–13.
- Birdsall N., Lustig N., Meyer Ch.J. (2014) The Strugglers: the New Poor in Latin America? *World Development*, vol. 60, pp. 132–146.
- Doklad ob ekonomike Rossii (2014) [Russia economic report]. Vsemirnyj bank. Predstavitelstvo v Rossii, no. 31.
- Kivinen M. (2004) Srednij klass v sovremennoj Rossii [Middle class in contemporary Russia]. *Mir Rossii*, no. 4, pp. 143–170.
- Piketty T. (2014) *Capital in the Twenty-first Century*. London: Belknap Press / Harvard Univ. Press.
- Rossiya – novaya socialnaya realnost. Bogatye. Bednye. Srednij klass* (2004) (pod red. Gorshkova M.K., Tihonovoj N.E.) [Russia – new social reality. Rich. Poor. Middle Class / Ed. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E.]. Moscow: Nauka.
- Srednie klassy v Rossii: ekonomicheskie i socialnye strategii* (2003) (pod red. Malevoj T.M.) [Middle classes in Russia: economic and social strategies / Ed. Maleva T.M.]. Moscow: Gendalf.
- Tikhonova N. (2014) *Sotsialnaya struktura Rossii: Teoriya i realnost'* [Social structure of Russia: theories and reality]. Moscow: Novyi khronograph.
- Tikhonova N.E., Mareeva S.V. (2009) *Srednij klass: teorii i realnost'* [Middle class: theories and reality]. Moscow: IS RAN.
- FSGS RF (2015) Doklad “Socialno-ekonomicheskoe polozhenie Rossii-2015. Yanvar–sentyabr”. Razdel 1.2. Socialno-ekonomicheskaya differenciaciya naseleniya. Tabl. 1. Raspredelenie obshchego ob'ema denezhnyh dohodov naseleniya [Report “Socio-economic situation in Russia-2015. January–September”. Section 1.2. Socio-economic differentiation of the population. Table 1. Distribution of total volume of population income] (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086922125).